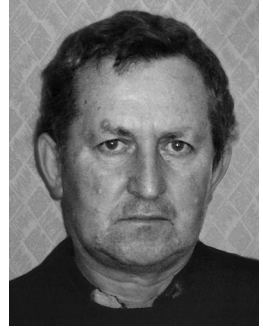

НИКОЛАЙ РУЧКИН

Биолог, писатель-натуралист, краевед

Родился в 1958 году в городе Мерефа на Харьковщине (Украина). Окончил природоведческий факультет Харьковского педагогического института имени Г. С. Сковороды. Также учился во Всесоюзном сельскохозяйственном институте (ныне РГАЗУ) на зооинженерном факультете. Сотрудник Музея природы Харьковского национального университета имени Н. В. Каразина, член общественной экологической организации «Печенеги». Автор около 60 научных, научно-популярных, краеведческих и природоохранных статей и очерков, двух краеведческих книг. Публиковался в различных периодических изданиях Украины, России и Чехии: «Юный натуралист», «Охота и охотничье хозяйство», «Пчеловодство», «В мире животных», «Словянська взаємність», «Народни освободзени» и других.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Мы много о себе думаем, много из себя представляем... А так, если разобратся, — такие же животные, как и все остальные, только с большими амбициями. Вспомним известные слова Екклезиаста: «Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё — суета!»

Мы часто видим себя в своих иллюзиях замечательными непорочными славными малыми — такими героями, которые всё могут и которые не зря живут на этом свете. Конечно, мы понимаем, что мы не без греха. «А кто безгрешен в этом мире?!» — успокаиваем мы себя. Мы просто не видим себя в действительном, истинном свете — такими, какие мы есть на самом деле. А правды не бывает моей или твоей — правда на всех одна, и найти её очень трудно. И если не найдёшь сразу, то можно к ней приблизиться, почувствовать святое её дыхание. Неустанные поиски правды и есть главный смысл нашей жизни.

Эти очерки рассказывают про обычных для нас животных. И не только о животных, но и о людях и их душах. О том, сколько вмещается любви и доброты в наших сердцах, или о том, сколько в них затаено всякой грязи и скверны. Животные и отношение к ним — это лакмус на истинную нашу природу, на наши действительные сердце и душу. То, как мы относимся к животным в дикой природе и к тем, что живут рядом с нами, какими глазами мы на них привыкли смотреть: равнодушными, жестокими или любящими, добрыми, — определяет наше истинное лицо и внутренние тайники сердца. Как мы относимся к животным, так мы будем относиться и к людям.

Необходимо помнить, что каждое животное, с которым вы вступаете во взаимоотношения — это личность, индивидуальность. У каждого свой неповторимый характер и, как это ни кажется необычным, свой внутренний мир. Всякий, кто наблюдает за природой и пытается понять её и дать правильную оценку, должен помнить простую истину о неповторимости всего живого. Если мы это забудем и станем смотреть на природу как на предмет общего потребления, где всё заранее предreshено и спрогнозировано инстинктом, — то превратимся в жестоких и жадных монстров. И живая природа для нас уже будет неинтересной, и мы легко и бессовестно переступим через неё.

ДВА ЗАЙЧИКА

Новогодний рассказ

Однажды под Новый год я ездил в лес за дровами — запастись на долгую зиму. 31 декабря, в самое утро, я запряг нашу лошадку и собрался в лес по сушняк. Четырнадцать лет мне уже тогда было. Старый наш конь Сивка слушался меня хорошо; сколько помню своё детство, он всегда у нас жил. Но когда я подрос, то Сивка уже стал слабеть. А дров нужно было край привезти домой, потому что потом заметёт снегом ещё больше — ни проехать ни пройти. А без дров в деревне зимой нельзя. Снега уже нападало так много в том году — дело ж было только перед Новым годом, а его уже нанесло кругом целые сугробы!

Вот сел я в сани и поехал в лес. Сначала мы продвигались хорошо; деревянные полозья, правда, проваливались — снег был пока мягкий. Но ехать всё же можно было. Но, вскоре небо стало всё такое непроглядное, как вроде оно в сумерках и посыпал снег — да такой густой! А дальше он шёл всё больше и больше. Я растерялся. Мать же говорила, чтоб подождать денька два — да кто там её послушает! Только теперь вспомнил про её слова. А снег всё сыпал и сыпал. Уже и конь мой выбился из сил и усталый остановился посреди леса. Стоит он один среди заносов — весь белый, не узнаешь. Всё кругом в снегу: снег на его спине и боках, снег на мне толстыми хлопьями — на нас целые шапки снега. Не успеваю считать с себя и со своего Сивки.

Тут уже не до дров — хотя бы живому остаться! Поначалу было тихо. А там ещё подул,

Встреченные мною после снегопада на краю деревни зайцы были русаками. У нас на Владимирщине, как и во всей Средней полосе России, обитают два вида зайцев: меньший по величине беляк и тот, что покрупнее, — русак. Беляк, или белый заяц, он же ещё снежный, живёт всегда в лесных местностях, а среди лесов выбирает самые большие и густые. Летом мех у него рыжеватый, с наступлением же зимы он становится полностью белым. Но даже издали хорошо видно, что на кончиках ушей у беляка остаются чёрные полосочки. Причём не сам мех белеет, а сначала выпадает прежняя рыжая шерсть, животное линяет, а потом взамен её вырастает уже другой, зимний, снежно-белый мех. Поэтому

зимой на снегу белая почти незаметен, но он очень красив, особенно в яркую, солнечную погоду. Так как белка обитает в тех краях, где зимой много снега, то и лапа у него шире и волосистее, что помогает ему увереннее держаться среди снежных заносов и не проваливаться в рыхлом снегу.

Русак, или русский заяц (как его называют в Европе), — наиболее обычный у нас вид зайцев. Он крупнее белая и весит пять-шесть и даже семь килограмм. мех у него не такой густой, как у белого зайца, и меньше греет. Поэтому так далеко на Севере, как белка, русак не живёт. Летом, когда оба наших зайца рыжие, русака с близкого расстояния можно отличить по продольной чёрной полоске на хвосте. Сверху русак буровато-рыжий с чёрными точками по всей спине; вся нижняя сторона у него белая, а шея рыжеватая. Летом он более тёмный, а зимой светлее, но никогда не бывает полностью белым. Самец во всякое время года светлее, чем самка, — зайчиха темнее, она более рыжая. Живут они как на открытых пространствах — степях и полях с небольшими перелесками, — так и в самих лесах, где обитают в светлых и разреженных местах и всегда держатся ближе к полянам.

Зайцы — ночные животные. Утром они залегают на целый день в лёжку, где дремлют до сумерек. Пасутся днём редко и только когда чувствуют голод. Для лёжки они вырывают ямку в земле, аккуратно укладывают её листьями и травой, ложатся в неё и прижимают уши к голове, чтоб не видно было. Ночью же зайцы выходят на кормёжку и поедают разные травы: в лесу — чабрец, василёк, цмин песчаный (бес-смертник); на лугу — девясил,

да с порывами — такой был ветер. Стал ехать потом; что ж делать — не замерзает же? Да ехать нельзя — куда ехать-то?! Дорогу потерял, ничего не видно. Так почти до самого вечера снег всё шёл и шёл: то с ветром и выюгой, а то вроде и ветер затихал, и снова становилось тихо и спокойное, но снегопад... — ну никак не кончался.

Но всё же я дождался — снег перестал, выюга утихла. А и продрог же я весь, до косточек! А ехать куда — не знаю по-прежнему. Сивка хоть как-то, но пошёл. Шли мы с ним, шли... Я ехал в сани, а когда он выбивался из сил, я вставал и шёл рядом с ним — пешком мерял заносы и сугробы снега. Так продвигались мы, пока совсем не стемнело. Небо сделалось всё темнее, густое, и только кое-где ещё пролетали белые снежинки, сверху падая на верхушки деревьев. Ели и сосны все стояли в снежных панцирях: снизу до самой вершины. Стоило только нечаянно зацепить одну из них, как большой снежный ком вдруг сверху неожиданно обрывался на тебя и засыпал с ног до головы.

А деревни нашей всё не было. Куда мы шли, не ведаю. Похоже, потеряли мы с Сивкой не только дорогу, но и направление — не знаю куда идти! Теперь я окончательно убедился, что заблудился. Страх охватил меня, и я понял, что могу здесь замёрзнуть. И если до ночи я не выйду из этого снежного леса, то я наверняка погибну. Вот и озяб я уже так сильно, что начал замерзать: зубы от холода стучат, «музыку играют», зуб на зуб не попадает.

И тут я подумал: чтобы хоть куда-то выйти к людям, нужно сначала выбраться из этого леса. А в поле, может, и деревня какая-нибудь встретится. Если же останемся в лесу, то мы оба замёрзнем и погибнем. Тогда мы свернули с Сивкой в сторону. И снова так всё шли и шли, пока на самом деле перед нами не показался край леса, а за ним большое поле. Но куда идти дальше? Прислушался: ни собаки не лают, ни людей не слышно. Всё темным-темно, но всё же виднее, чем в лесу. И на небе сквозь тёмную пелену изо-

гнутом серпом появился молодой месяц — новолуние. А старики в деревне говорили, что в молодой месяц всегда погода меняется. Вот нынче и нанесло снега по самый вверх — завьюжило, заметило. А снежный ковёр, сколько видно глазом, такой чистый и белый — ничего, хотя б один след какой попался. Как всегда в снегопад, все звери попрятались по убежищам — переживают непогоду.

Я оглянулся по сторонам. Неожиданно вижу: на снежной пелене отчётливо видны знакомые следы — двух зайцев. Известно, какие следы у зайчиков: два отпечатка следов впереди в одной линии (поперёк заячьей дорожки) и два следа между ними в другой линии (вдоль заячьей дорожки). Это оттого, что когда заяц бежит, он задние ноги, как более сильные и длинные, заносит вперёд, и поэтому передние ноги у него остаются позади. Бегают зайцы быстро, но по глубокому снегу и они вскоре устают и теряют силы. По холоду без еды долго зайчики не выдерживают. Снегопад и метель зайцы всегда переживают в своей лёжке, а тут они вышли из леса и бродят в поле. Видимо, крайность заставила наших зайчиков отправиться на поиски корма сразу после метели. Обычно, когда кругом один снег, они идут к жилью, к человеку. И тогда их следы могут вывести нас к людям. Все эти соображения и мысли с быстротой молнии промелькнули в моей голове, и я, обрадованный и успокоенный, почувствовал, как в меня вселяются уверенность и надежда.

Обнял я Сивку за шею и говорю ему в ухо: «Пойдём, Сивочка, по заячьим следам, может, они нас к деревне выведут!» А он стоит, смотрит на меня большими умными глазами и прядает ушами — что-то понимает. И в самом деле он вдруг сразу тронулся и пошёл по заячьему следу. Так мы вдвоём рядом идём вперёд. Идём и меряем снег. А я тем временем соображаю: где мы, куда попали, куда зашли? Где-то здесь должны быть Храпки, но их не видно. Дальше... опять... идём и идём... Но Храпков всё нет, может, они позади остались? А по правую руку от нас должна быть деревня Захарово. Но в той

козлобородник, донник. Этим травам они отдают предпочтение перед другими. Все без исключения зайцы любят ягоды — бруснику и чернику. Зимой раскапывают все эти растения под снегом, а если снега много, и они не в состоянии добраться до них, то только тогда уже объедают кору деревьев. Очень любят молодые побеги осины. Поросль маленьких осинков они едят вместе с нежными листочками. В наших лесах растёт одна сочная травка, она так и называется — заячья капуста. Уже само название говорит о том, что её зайцы не просто любят — они её обожают. А кроме того к обычной огородной капусте у зайцев особое расположение. И когда они где-нибудь на поле-огороде встретят нашу капусту, или репу, да и петрушку, то лакомятся ими вволю.

Как только потеплеет и появятся первые признаки весны, но ещё по последнему снегу, у зайцев начинается брачный сезон. Обычно самец и самка у них держатся отдельно. Но бывает и такое, что заяц и зайчиха живут вместе в течение всего года, одной дружной семьёй. Но это наблюдается всё же редко и в основном в открытой местности. Однако лесные зайцы могут жить и стайками, по семь-восемь разом — им так спокойнее. В этих стайках встречаются особи разных поколений. В конце зимы, в тёплые дни, молодая зайчиха призывно свистит, и этот звонкий протяжный свист слышно в лесу далеко. На него сбегаются не один и не два, а целые толпы зайцев-самцов. И интересно видеть, как зайцы, самые мирные животные, в эти дни так дерутся и хватают лапами друг друга за уши, что сдирают с них шерсть чуть ли не хлопьями — после чего уши

у таких «героев» становятся облезлыми и плешивыми.

За всё тёплое время года зайчиха приносит четыре помёта. Уже в конце марта, в первом помёте у неё рождается один, редко два зайчонка; во втором помёте, в мае, она приносит обычно три и даже четыре детёныша; летом появляются на свет всегда трое зайчат. И последний раз, в августе, она снова, как и первый раз, приносит только одного зайчонка. Детёныши рождаются вполне развитыми, с открытыми глазами, и сами себя чистят, лизут — приводят в порядок свою шёрстку. Но первое время зайчиха неотлучно находится со своими детками, греет их и часто кормит густым жирным молоком. Тот короткий период, когда зайчиха мать настойчиво обогревает своих детёнышей, продолжается не больше трёх суток. В эти дни она не отходит от них ни на шаг.

А потом, подрастая, зайчата уже остаются совсем одни и где-нибудь на лугу, в высокой траве и в густых зарослях сами дожидаются ночи. За ночь зайчиха навещает детей один, реже — два раза, и как только покормит их молоком, так сразу же и уходит. Заячье молоко имеет 15% жирности и целых 12% белка. (Для сравнения: жирность коровьего молока равна 3,5%.) Поэтому, зайчата растут очень быстро. Обычно не больше чем полмесяца опекает самка своих детёнышей и заботится о них. И каждый раз, когда приходит их покормить, она ищет их по известному только ей запаху и хорошо запоминает то место, где оставила своих детей. Зайчиха знает, что очень рискует, — ведь по её следу могут пожаловать хищники. Поэтому она старается реже приходить к зайчатам.

стороне тоже нет ни звука: ни собаки не лают, ни совы не пролетают, которые зимой всегда держатся ближе к жилью человека и живут недалеко от него. А уже порядком смерклось. Где же мы есть?!

Но несмотря ни на что, мы строго идём по заячьим следам. Куда они — туда и мы. Смотрю, Сивка уже стал выбиваться из сил — я ему опять рассказываю на ухо: «Потерпи, Сивушка, выйдем мы, обязательно выйдем!» Подбадриваю его, значит. А у самого такая вера вдруг зажила внутри меня — вера в эти следы, в зайчиков, значит. Надеюсь, выведут они меня к жилью; почему-то чувство у меня было такое, что обязательно выведут. Главное, думаю, не отступать от следов ни на шаг, чтобы не потерять их, тогда уж точно нам с Сивкой будет конец. Замерзнём мы здесь, в этой снежной стихии, ещё задолго до следующего утра!

Так шли мы не один час. Устали очень, часто отдыхали, совсем выбились из сил. Одежда на мне сделалась вся мокрая от пота, а от Сивки пар шёл вверх, как от большой полыньи на реке во время мороза. Но нельзя без конца останавливаться и долго стоять на одном месте, а то остынешь, озябнешь и тогда тоже пропадёшь — заболеешь. И вдруг следы повернули в ту сторону, откуда вскоре до нас донесли звуки собачьего лая. Там — наше спасение. Но какая же там деревня? Храпки, Захарово или, может, Песьяне?

Вот уже она ближе и ближе. Всё лучше слышны собачьи голоса. А вот показались и крыши домов. Как будто что-то знакомое замылило впереди. А вскоре, подойдя ещё ближе, я увидел раскинувшиеся среди поля избы. И тут я с радостью убедился, что перед нами были наши Дубки. Я был счастлив. Я обнял своего коня: «Сивушка, дорогой, мы спасены!» — шептал я ему в ухо и на радостях поцеловал его в голову. Но Сивушка мой от усталости еле стоял на ногах. Немного подумав, я всё же оставил его на краю поля, а сам пошёл в деревню

за помощью, чтобы вскоре вернуться обратно с подмогой за обессиленным конём.

Я шёл быстро, как мне самому казалось, — насколько хватало сил. Но когда проходил мимо крайней избы, где жили Смирновы, то как-то сразу, неожиданно для себя, я увидел на снежном пригорке, стоящих на задних лапках двух зайчиков. Остановившись и запыхавшись, я с интересом рассматривал двух зверьков. Конечно же, это были два наших спасителя. Ветер дул в мою сторону, и они не заметили меня. Застыв на месте и приподнявшись на задних лапках, а передние чуть свесив вниз, мои зайчики внимательно смотрели в окно крайней избы. Отсюда до неё было метров двадцать-тридцать. В обледелое окно — через чистые стёклышки посередине — мне хорошо было видно зелёную, нарядную ёлку, снизу доверху убранную дождиком, серебристыми шишками и картонными игрушками. Наверно, и им, зайцам, тоже всё видно было, что делается в середине избы.

Вокруг нарядной ёлки резвились и шумно бегали возбуждённые дети. Даже отсюда, на таком расстоянии, чувствовались очарование и красота детского праздника, радость вокруг новогодней ёлки. Даже сюда передавалось необыкновенное счастье, царившее в доме. Разные, самые противоречивые чувства охватили меня разом. В эту минуту, глядя на поражённых красотой волшебной ёлки двух одиноких зайчиков, застывших на месте, на краю деревни, я сердцем смутно почувствовал, что, может быть, сейчас вот здесь впервые в жизни я столкнулся с какой-то тайной, ещё неведомой людям.

Зайчики, казалось, забыв всё, удивлёнными глазами смотрели на этот новогодний праздник людей. Приподнявшись на задних лапках, чтоб лучше видно было, они заглядывали внутрь жилища, где творилось что-то необычное, чего они никогда не видели и не знали раньше. А теперь смотрели и смотрели на чужое счастье. Сколько простодуш-

И как только детвора чуть окрепнет — через пятнадцать-семнадцать дней, — она прекращает навещать их.

Врагов у них всегда хватало. Это и дневные хищные птицы, которые сверху высматривают затаившихся в траве зайчат, и злейшие их враги — лисы и волки (там, где они есть), а также филины и куницы. Однажды мне довелось видеть, как большой старый ворон подхватил с земли зайчонка и понёс его над лугом, постепенно набирая и набирая высоту. А за ним, пронзительно пища, изо всех сил отчаянно гналась бедная зайчиха и на бешеном ходу подпрыгивала сколько могла вверх, — но так и не достала ворона. А ещё в случае грозящей опасности для своей жизни и жизни своего потомства зайцы издают неожиданные сильные звуки, очень похожие на плач маленького ребёнка. Всегда молчаливый и тихий заяц, будучи пойман собакой или ранен охотником, рыдает точно так же, как это делает человеческий младенец.

Но, самым страшным врагом для наших зайцев является человек. Давно уже выведены специальные породы собак — гончие и борзые, которые используются преимущественно на одной лишь охоте на зайцев. Издано много разной литературы, где подробно описываются методы охоты на зайцев и даны «умные» рекомендации, как их грамотно добывать. Это целая наука. А сколько их бьют по всей России без всякой науки! В России охота на зайцев — это стародавний традиционный вид спорта. Вроде испанской корриды. Но в Испании коррида давно себя изжила и официально вот-вот будет запрещена; в России же охота на зайцев процветает и всё больше

смакуется и культивируется. На Руси убить зайца всегда считалось удалством и достоинством умелого охотника. Раньше, в старину, даже я это застал, — убитыми зайцами у нас везде и всегда торговали на базарах. Из зайчатины готовили очень вкусные пирожки, ни один пир без неё не обходился, а заячьи шкурки повсеместно были самым доступным и дешёвым мехом для народа. И теперь бедных зайцев в наших краях осталось совсем мало (по сравнению с тем, что было) — их попросту выбили и продолжают выбивать дальше.

От всех врагов у зайчиков только одно спасение — быстрые ноги. Высокую скорость заяц набирает сразу и может бежать со скоростью 60 км/ч два и даже три километра, не снижая темпа. В степях на зайцев охотятся ночью на машинах при свете фар. Простодушный зайчик, попав в освещённую зону, стремительно бежит в том направлении, в котором держится свет. С такой техникой догнать и перебить всех русаков не составляет никакого труда.

Старые зайцы, если им удастся дожить до пяти-семи лет, становятся очень опытными, умудрёнными и нередко убегают от преследования охотника, оставляя свору собак позади. Они вдруг отчаянно бросаются в стадо скота, под ноги пасущимся коровам; бегут в сторону тростника и камыша и смело пробиваются сквозь него, а собаки уже не могут проникнуть через такую сплошную стену; прыгают через заборы высотой целых три метра (!) и преодолевают многие другие преграды. На реках такие отчаянные зайцы пробегают по самому тонкому льду, какой только может их выдержат, а пущенные в погоню

ного интереса, сколько любопытства прочитал я в их глазах, когда они наивно глядели отсюда на детскую ёлку, всю в блестящих, небывалых красках, на это веселье! И что-то ещё — как будто восторженность — я видел в их взглядах.

Но я сам был не меньше удивлён, чем наши лесные гости. Мысли одна за другой с быстротой молнии рождались в моей голове, а в моей душе творилось что-то непонятное. Мне ведь раньше и в голову не могло прийти, чтобы знакомые всем зайцы, так же как и люди, могли любоваться красивой ёлкой, чтобы они понимали красоту, может быть, так, как и мы её понимаем. Я остановился как вкопанный. Простодушные зайчики смотрели в окно на ёлку, я — не меньше поражённый, чем они, — как загипнотизированный смотрел на этих двух зайцев, пришедших из своего леса и неожиданно увидевших в окне необыкновенную, нарядную ёлку.

Это всё продолжалось считанные мгновения. Но столько они вместили в себя. Я не чувствовал время, оно как будто остановилось тогда для меня. Какие-то секунды, может быть, полминуты, а может, минуту — я не знаю, сколько времени прошло, — любовался я двумя одинокими зайчиками, занесёнными ветром и стихией на край своего мира и сиротливо смотревшими из дикого, неуютного пространства на благополучие, довольство и счастье людей. Это зрелище отпечаталось в моей душе на всю жизнь, запало в сердце, как будто сфотографировалось, а память сберегла и пронесла его через долгие-долгие годы. Так поразила меня эта минута заячьей жизни.

И когда мне потом бывало особенно трудно и плохо, вдруг, как будто из ничего, возникали в моей памяти два несчастных зайчика, пришедшие сюда и заглянувшие к нам из своей жизни, из другого, неизвестного нам мира, — и тогда я понимал, что есть на свете существа, которые ещё более несчастны, чем я.

Но осторожные зверьки в природе никогда надолго не теряют бдительность. Оглянувшись, они увидели стоящего позади себя чело-

века. Зайцы, вопреки моему ожиданию, как-то не сильно меня испугались и не дали тотчас же стрекача, как я думал. Они нехотя отбежали немного в сторону, остановились — и снова посмотрели на окно той избы, где стояла ёлка. И неторопливо побежали себе мимо деревни.

Я обошёл «зайчиковое место» стороной и вышел на утопанную деревенскую дорожку, что вела от одной избы к другой. Теперь я окончательно понял, почему они пришли к деревне. Они были голодны, потому что выглядели очень худыми; к людям же зайцы идут только в крайнем случае. Им хотелось есть, а в пустынном, снежном лесу трудно найти себе пропитание. Они вышли к деревне в надежде найти здесь что-то съестное и задержались у крайней избы в тот миг, когда увидели в окне нарядную ёлку и много детей.

Вскоре я уже подходил к своей избе. Как старший из братьев, я позвал средних, Николая и Васю, и объяснил им, где оставил нашего коня. Я велел им взять хлеба и немного сенца и идти за Сивкой, чтобы привести домой в поводу измученное животное. Сам же кинул в торбу с десятком морковок и как мог быстрее пошёл к тому месту, вблизи избы Смирновых, где только что видел худых, истощённых, но замороженных зрелищем новогодней ёлки двух зайчиков.

Зайцев, конечно, здесь уже не было. По следам я прочитал, что они ушли на задворки деревни, где можно было пожить очистками капусты или другими отбросами. Тогда я утоптал снег на месте их привала и разбросал вокруг красную сочную морковку. На обратном пути в лес зайцы обязательно пройдут по своим следам и съедят моё угощение. Обычно, когда снега много, зайцы ходят по протоптанным ими же самими дорожкам, чтобы меньше проваливаться и терять силы. «Вот вам, лесные гости, аппетитная морковка, мой гостинчик, — приговаривал я. — С Новым годом, дорогие зайчики!»

более тяжёлые и неуклюжие собаки проваливаются в ледяную воду.

Путать следы — главная повадка зайца; это свойство заложено в крови. Когда после ночной кормёжки заяц уходит на днёвку, то сначала заходит вперёд предполагаемого логова, затем по кругу возвращается обратно и потом — ещё раз и ещё — кружит вокруг будущей лёжки. И поэтому многократно он запутывает свои следы так, что получаются настоящие пелли. А в дополнение ко всему он ещё и прыгает два-три раза в сторону на 3 метра. Причём опытные старые зайцы совершают такие прыжки до семи раз, прежде чем смогут устроиться на избранной лёжке. Кстати, зимой по снегу зайцы в своей лёжке-логове никогда не лежат, а тихо и незаметно сидят с прижатыми к голове ушами и не шелохнутся.

Зайцы — очень умные животные. Они даже на большом расстоянии хорошо отличают человека с ружьём от безоружного. Если собак в деревне держат на привязи, то зайцы, не обращая на них никакого внимания, близко подходят к самим избам. В морозное зимнее время, когда глубокий снег оставляет животных без корма, голод их гонит всё ближе и ближе к человеческому жилью. И хорошо, если люди поймут лесную трагедию этих животных и помогут им или хотя бы не будут травить.

Не раз и не два мне приходилось видеть, как в голодное время и большой снег забегал в какую-нибудь деревню отощавший заяц, а жители вместо приветствия и помощи гоняли и гоняли его по улицам, чтоб загнать и убить. Если мы не будем помогать слабому, а наоборот — будем его хватать и добывать, тогда и нас будут преследовать в этом

мире разные болезни, гонения и горести.

У нас зайца пренебрежительно и обидно называют «косым». Но ведь он совсем не косой, просто глаза у него, чтобы лучше видеть, что делается позади него, чуть-чуть отодвинуты к затылку.

По внешнему виду молодые зайцы отличаются от старых тем, что у них на лбу имеется белое круглое хорошо различимое на расстоянии пятно. Молодым зайцам, ещё не знающим всей сложной заячьей науки, трудно отличить доброго человека от злого. Те зайчики, что рождаются летом по два-три, и в зиму идут сообща, вместе, единой маленькой семейной группой. Пока каждый из них не обзаведётся своим потомством, они ещё целый год будут жить одной дружной компанией.

Те зайчики, которые мне повстречались поздно вечером на краю деревни перед самым Новым годом, конечно же, и были совсем ещё молодыми родными братьями из одного помёта. Они к людям ещё не знали страха и не потеряли чувства любопытства и интереса — поэтому с такой верой и надеждой пришли в деревню, надеясь найти у людей защиту.

я стоял за станком; или на фронте, где в мостопоезде восстанавливал разрушенные фашистами мосты через Днепр, Южный Буг и другие малые и большие реки Украины; или когда в санчасти я терял сознание и умирал от плеврита лёгких, — то всегда вспоминал эту трогательную картину своего детства, и становилось легче вдали от родного дома. Рассеивалась грусть, и прибавлялись силы — можно было жить.

Так длинноухие гости из неуютного зимнего леса вселяли в меня надежду и веру в будущее. Закрою глаза — и вижу перед собой одно и то же: на заметённой снегом пустынной земле стоят два одиноких, никому не нужных, случайно забредших сюда зайчика и с простодушным восторгом смотрят на разукрашенную новогодними игрушками детскую ёлку...

Когда я возвращался домой, то уже в деревне встретил своих братьев, ведущих под уздцы нашего Сивку. На мой вопрос, не встречали ли они по дороге двух русских зайцев, они ответили, что не видели. Но я знал, я был уверен, что когда зайчики будут вертаться обратно, то обязательно найдут ту морковку, которую я им принёс. Ну и слава Богу! В тот момент, когда мне подумалось о них, я почувствовал к ним такой прилив дружелюбия и благодарности, что он охватил всю мою душу и проник, как говорится, в самую её середину. Ведь эти два зайчика спасли нас с Сивкой, не дали умереть в заснеженном пустынном лесу! И если б не их следы, нам бы ни за что не выбраться оттуда, из той лесной чащи. Такие смешанные чувства нежности к русачкам и белячкам, ко всем зайчикам, которые обитают в наших лесах на Владимирщине, переполняли меня весь тот вечер, пока младшие братья и моя меньшая сестричка веселились у новогодней ёлки. Дома я рассказал всё, что со мной стряслось, и как мы — я и Сивка — могли замёрзнуть в суровую стужу в снежном лесу. Я не жалел добрых слов для неожиданно встреченных мною у деревни двух зайчиков.

Эти события происходили в последнюю мирную зиму. На другой год Гитлер напал на нашу страну, и началась Великая Отечественная война. И где бы потом мне ни приходилось жить и работать: на оружейном ли заводе в Красном Октябре, где по 12 часов ежедневно

БЕЛЫЕ ГУСИ

Есть на свете птицы, которые приходят к нам из сказки. Из того тайно живущего в нашей душе мира, где загадочным образом теснятся необыкновенные, фантастические образы, которые питают и вдохновляют нас. Таковы розовые фламинго, сказочные птицы южных озёр, — когда в миражном мареве проплывают на горизонте вереницы чудесных птиц. Таковы серые журавли — когда прощальным клином, тоскливо курлыкая, они улетают на юг, покидая свою родину, быть может, навсегда. И таковы белые гуси — когда в сияющем лазурном небе Севера вдруг неожиданно возникнут, как прекрасные огромные бабочки, необыкновенные птицы, сквозь белые крылья которых всеми цветами радуги играет солнечный свет. И тогда, не отрывая глаз, пристально смотришь в синее, прозрачное, безоглядное северное небо — и уже в твоей душе больше не остаётся сомнений, и ты понимаешь, что эта реальная картина и есть чудесная сказка.

Природа так сотворила этих замечательных птиц, что наградила их почти одним только белым цветом. Но какая палитра оттенков белого цвета разлита по всей Земле! Ведь и снег тоже чисто-белый — и как будто всё на этом — но в лучах солнца он переливается такими цветами радуги, что ни одному художнику их не передать. А природа сможет! (Что интересно, в словарном запасе эскимосов более двадцати наименований разных оттенков снега.) Вот так и наши белые гуси. Полярными весной и летом, когда много солнца и света в природе, этот чудесный цвет может всё. На белых гусях он блестит и искрится, и кажется тогда, что это не простые птицы, а сказочные пернатые вестники весны. И когда они возвращаются на родину, кажется, что с этих дней и солнце лучше светит, и света стало больше в краю скупой на солнце Арктики. И действительно: вскоре уже и льдины быстро тают на глазах и, разбитые разгулявшимся морем на куски, отступают всё дальше к Северному Полюсу. Полярное лето вступает в свои права. Правда, белые гуси не полностью белые. Первостепенные маховые перья, то есть концы

Белые гуси живут на северо-востоке Сибири, на самом краю земли. Разные у птиц на то причины. Это и миграции на зимовки, которые могут быть расположены на других материках нашей планеты и дальние кочёвки, и вынужденные перелёты за пределы своего ареала.

К себе на родину самые первые белые гуси прилетают арктической весной, то есть во второй половине мая. А массово летят в 20-е числа и в конце мая, даже в начале июня. На родину они прилетают одни из последних. Они занимают привычные им, старые места гнездований и поселяются сплошными колониями: гнездо от гнезда на близком расстоянии, как и принято у многих птиц на Севере. А гнездятся они на сухих участках тундры, вблизи ручьёв и речек. Гнездо строится в углублении во

мху. Лоток гнезда белых гусей устлан не только обычным там мхом ягелем и разными сухими былинками, но и тёплым гусиным пухом, который самка выщипывает у себя на груди. В кладке четыре-шесть яиц кремового цвета. Кладку насиживают оба родителя, но самка больше находится на гнезде. А гусак всё время держится вблизи, меняет на кладке свою подругу — гуску, когда она уходит кормиться, и вместе с другими гусаками отгоняет от гнезда полярных лисиц — песцов.

Но вот человека белые гуси не боятся, не чувствуют, не испытывают страха и тревоги, когда к ним приближаются люди. Обычно в то время, когда к гнезду близко подходит наблюдатель, гусак стоит рядом с гнездом и спокойно смотрит на приближающегося человека. Гуска в это время встаёт с гнезда, прикрывает яйца гнездовым пухом и тоже тихо стоит возле гнезда, только с другой стороны. А то даже: нежно прижавшись друг к другу, терпеливо смотрят на непрошеного гостя, как будто пытаются понять, чего от них хотят. Они неторопливо переговариваются между собой и ждут, пока такой пришелец уйдёт от них. Очень доверчивы белые гуси к человеку и не знают страха перед ним. Если другие гуси при приближении людей к гнезду заблаговременно сходят с него и улетают, то белые гуси спокойно отходят от него

крыльев, у них чёрные. И когда летит в небеса белая гусей, по этим чёрным отметинам на крыльях можно легко и быстро отличить их от других родственных птиц. А есть ещё большое золотистое пятно на голове, которое видно даже издали, но чаще только в пасмурную погоду. В сияющем же небе, в лучах весеннего солнца птицы кажутся не белыми, а полностью розовыми или золотистыми, а пятно это сливается с общим фоном птицы и становится неразличимым.

После долгой зимы, когда более тёплый воздух неизменно поступал из Тихого океана на север, теперь уже начинает дуть встречный, южный муссон. И белые гуси всё время летят навстречу быстрым ветрам. Но самые драматические события развиваются над Беринговым морем и у берегов Аляски, где в конце полярной весны встречаются между собой два разных муссона: зимний и летний. Здесь гусей поджидают страшной силы штормы, ураганные ветры и метели.

Природа в этих краях резко отличается от той, к которой привыкли белые гуси у себя на родине, где пологие берега медленно переходят в спокойное море. На всём побережье Чукотского моря и на острове Врангеля берег равнинный, низменный. Здесь же, на Беринговом море, берег состоит из скал, обрывистых уступов, больших и меньших камней. Во время шторма прибой с силой ударяется об этот каменный панцирь, как будто пробуя его на прочность. Но особенно высота волны увеличивается на севере моря, у Берингова пролива. Здесь море сужается, уменьшается расстояние между берегами, и чем ближе к проливу, тем больше сила прибоя. Зажатое в тисках море свирепеет и, полное негодования, со страшной силой бьёт и обрушивается на прибрежные скалы. Лодки-баркасы местных рыбаков, попав в такую погоду и шторм в море, разбиваются в щепки, и нет у них

шансов остаться живыми. Знаменитый «Девятый вал» Айвазовского здесь имеет особый смысл. Природа в этих краях предстаёт в своём самом суровом и неприветливом виде.

Однажды поздно весной одна запоздавшая белых гусей спешила домой, в чукотскую тундру, чтобы успеть загнеститься и вывести молодых гусят. Позади были пятнадцать дней напряжённого пути и более пяти тысяч километров. Уставшие птицы уже из последних сил, на одном только характере и жгучей жажде увидеть долгожданную родину, тянули на север. Оставалось только преодолеть опасный Берингов пролив, вечно загадочный и непостоянный, как Бермудский треугольник, и такой же коварный. А там ещё два дня лётного пути — и они уже будут у берегов родного им острова Врангеля. За одни сутки с учётом отдыха гуси покрывают расстояние до пятисот километров неба, но при условии, что погода не станет им мешать в дороге.

В это время у Берингова пролива море уже освободилось от ледяного панциря, сковывавшего Северный Ледовитый океан на протяжении длинного зимнего периода. Как будто оно с облегчением вздохнуло от вынужденного бездействия и оцепенения. Но на воде ещё много плавало больших и малых льдин, которые в штиль, на тихой волне не опасны, но в бурю и шторм, когда море ревёт и буйствует, представляют собой небывалую угрозу. В такой сезон освободившаяся ото льда океанская стихия нередко, как бы пытаясь возместить своё вынужденное длительное бездействие подо льдом, с силой налетает на морской берег. В эти дни часто бывают сильнейшие штормы, даже двенадцатибалльные. Барометр бесповоротно идёт к нулю и стойко держится на самых низких показаниях. И тогда кажется, что смешавшиеся с морской пучиной потоки воздуха составляют одно целое — и нет спасения ничему живому.

и ждут, пока тревога закончится.

Этим свойством пользуются коварные люди. Не представляет особого труда палками забить до смерти доверившихся людям птиц. А кладки свежих яиц забирают в сумку и уносят с собой. Там, где появляются люди, приходит конец спокойной жизни белых гусей и быстро сокращается их численность. Ещё в XVIII — начале XIX века ареал белого гуся охватывал всё побережье и острова Северного Ледовитого океана — от Чукотки до Таймыра. Западной границей гнездования была известная таймырская река Хатанга. Немало белых гусей гнездились в дельте реки Лены, на Новосибирских островах и по берегу моря Лаптевых. Но в середине XIX века с более интенсивным промыслом картина меняется. Теперь белый гусь массово, большими колониями гнездится только на безлюдном острове Врангеля (площадь 7300 км²). Встречается также кое-где по побережью Чукотки и на острове Айон (площадь 2000 км²) вблизи Чаунской губы и в устье реки Колымы. Больше в Сибири он не встречается нигде. В Северной Америке он обитает в подходящих для него местах равнинной тундры в Канадском Арктическом архипелаге — от Гудзонова залива до Аляски и Баффиновой Земли. Половина гнездящихся пар всей мировой популяции белого гуся находится на сибирском

острове Врангеля. Здесь его основные места обитания. В длину остров имеет почти 140 км, а в ширину около 70 км. Он равнинный, низменный, очень подходит для гнездования гусей, и только в середине возвышаются горы, как маяки, которые в светлую погоду ещё издали видны и указывают путь для возвращающихся весной на родину белых гусей. (Конечно, эти горы не очень высокие, самая большая гора Советская имеет высоту 1096 м.)

Однако не только человек повинен в сокращении численности белого гуся. Много зависит от площади, освободившейся от снега и талой воды, от величины просохших участков почвы и от хорошей или плохой погоды. В тундре лето хоть и короткое, но относительно тёплое. Но случается и по-другому. В местах гнездования белого гуся иногда наблюдаются суровые погодные условия; в тундре посреди арктического лета могут быть возвратные холода с полярными морозами и метелями, а на побережье моря летний штитель сменяется штормами и ураганами. И тогда тысячи гусей или маленьких гусят гибнут от страшной стихии. Например, в основном месте обитания, на острове Врангеля, в один год численность белых гусей может составлять 120 тысяч гнездовых пар; а на другой год останется только 60 тысяч гусиных семей. А бывают такие годы, когда она понижается и до 30 тысяч

Стая неожиданно попала в такой разгул стихии, в такую морскую бурю. Поначалу на пути пролёта белых гусей ничто не предвещало плохого — всё складывалось благополучно. Погода стояла хорошая, ясная. Но чем ближе к Берингову проливу, тем больше появлялось признаков надвигающейся бури. Сначала на западе небо сделалось невероятно синим, а вскоре ещё и почернело и стало белесовато-чёрным, как будто тяжёлый свинец растворился в чёрных облаках. Внезапно налетел вихрь — такой сильный, что сразу нельзя было разобрать, где воздух, а где вода. Море рвало и метало. Стая пыталась снизиться и найти убежище на берегу, но до него оставалось ещё далеко. Затем сильнейший ветер с дождём накрыл стаю и увлёк её к берегу. Птиц понесло на острые скалы с лёгкостью пушинок. Спротивляться налетевшей буре было бессмысленно. Порывы ветра то опускали гусей вниз, то поднимали их вверх, мотая, как беспомощных, через всё небо и бросая как игрушки — словно забавляясь и злорадствуя от чужой беды.

Оставшиеся в живых гуси с ужасом видели, как их собратья один за другим разбиваются о камни и тонут в морских глубинах. Здесь погибали многие семьи, только что настойчиво и целеустремлённо летевшие домой, полные надежд на встречу с родиной. Если сказать, что море штормило, это значит — ничего не передать. Морские солёные волны швыряло, как невесомые щепки. Разбушевавшийся океан, словно исполинский великан, то с лёгкостью поднимал вверх огромные массы воды, то тут же увлекал их вниз. Сбитых с толку и потерявших соображение гусей целыми семьями поднимало и кидало в небесной стихии. За каждый раз десятками взметало вверх и с силой бросало о прибрежные скалы. Морские острые камни на какой-то миг мгновенно окрашивались в красный, алый, цвет крови. Но следующая за ней волна бессо-

вестно смывала разлитую густую кровь. А через секунду ещё одна огромная волна с верхом накрывала неприступные камни, бесследно смывая следы только что разыгравшейся здесь драмы. И только многочисленные белоснежные перья, вырванные у погибших птиц бешеной стихией, током ветра поднимало высоко в небо, где они вскоре навсегда исчезали и куда-то безвозвратно уносились вдаль.

Первый порыв бури был самым сильным. Потом напор её уменьшился, она то затихала, то усиливалась, но всё продолжалась. Море грохотало и ревело. Четыре дня и четыре ночи бушевал непрекращающийся шторм, и немало белых гусей (и даже полностью целые гусиные семьи) нашли себе могилу в холодных водах у берегов Ледовитого океана. Их желанная родина, тот лучший край, где они выводят драгоценных гусят, уже была совсем рядом, рукой подать, но они так и не увидели её и не долетели до своего заветного места. Некоторых из оставшихся в живых белых гусей, подхваченных «водоворотом» сильнейшего ветра, отнесло далеко в сторону. Они летели и летели на запад, полные страха и отчаяния, забыв всё на свете, лишь бы подальше улететь и оставить это страшное место.

Рассеявшись на мелкие группы, белые гуси долетели до самых отдалённых уголков России. Одни из них очутились над беспредельной Волгой и её главным правым притоком Окой. На озере Ижевское Спасского района Рязанской области, что находится в широкой пойме красавицы Оки, в один из дней начала лета, вдруг неожиданно для себя местные рыболовы увидели трёх красивых белоснежных птиц. Но это были не лебеди — лебеди крупнее и выглядят иначе. А птицы были почти такие же, как привычные всем гуси, и чем-то даже похожие на домашних. Только от берега все хорошо видели, что перед ними дикие птицы — намного стройнее, осанистее, уве-

пар. Так резко колеблется численность популяций белого гуся в суровой Арктике.

В начале 60-х годов прошлого века численность белого гуся на острове Врангеля составляла не менее 500 тысяч особей. Затем она стала неуклонно снижаться. И к началу 70-х годов XX века, то есть всего через 10 лет, она составляла не более 250 тысяч, или половину прежней популяции. В годы суровой весны и такого же сурового лета белая гуска откладывает всего только два-три яйца, а это вдвое меньше от нормальной кладки в благоприятный сезон. Аиногда, в особо трудные годы, у белых гусынь без остатка резорбируются (исчезают) фолликулы, и тогда вся стая белых гусей полностью остаётся без потомства, без надежды на будущее.

Зимовки белых гусей находятся на тихоокеанском побережье Северной Америки — от Ванкувера до Калифорнии и Мексики. Некоторые популяции зимуют на континентальных озёрах внутри материка в штатах Невада, Колорадо и Техас. Часть гусей зимует на южных островах Японии. От основных зимовок у берегов Калифорнии до острова Врангеля — более 6000 км пути. А это путь сплошного риска и непредвиденных климатических аномалий, путь борьбы, бедствий и тревог. В это время, время перелёта на свой родной Север, погода по пути следования птиц меняется, происхо-

дит коренной перелом между зимним и летним климатом.

Белые гуси — настоящие мастера полёта. Из всех десяти видов диких гусей, живущих на нашей Земле, белые гуси самые сильные и лучшие всех обладают способностью к неустанному продолжительному полёту. Даже горные гуси, обитающие в высокогорных районах Тянь-Шаня, Памира и Гиндукуша, и те уступают своим арктическим собратьям по силе, скорости и выносливости полёта.

Посоветовавшись и проведя возможные пути весенней миграции белых гусей, Правление Окского заповедника сразу же после кольцевания залётных птиц направило заказные письма в те места, по которым идёт пролёт арктических гусей домой, на север. Одно из них было отправлено и в расположенную у самого Берингова пролива метеорологическую станцию в посёлке Уэлен на Чукотке. Это крайняя точка северо-востока Сибири, край нашей земли. Ответ долго не приходил, но это и не удивительно из-за дальности расстояния.

Но вот уже когда белые гуси улетели с озера, буквально через несколько дней, в заповедник поступила телеграмма. На Чукотке ответное письмо не стали отправлять почтой, ведь оно будет идти очень много времени. Сначала из Уэлена вертолётком до Анадыря (окружной центр), куда он летает только два раза в неделю. Дальше из Анадыря до Магадана на самолёте Як-40

реннее они держатся на воде, исполненные собственного достоинства. А про ослепительную красоту и говорить нечего. Когда же три белые птицы спокойно и неторопливо подплыли к домашним гусям, плававшим посреди озера в привычных для себя местах, все кто был на берегу, насторожились. А когда, как ни в чём ни бывало перезнакомившись и радостно гогоча, птицы стали вместе перемещаться по воде, тогда у всех наблюдавших за этим с берега уже не оставалось больше никаких сомнений, что три белые птицы и были настоящие гуси. Даже с берега хорошо было видно белое, как снег, оперение птиц и большое пятно золотисто-ржавого цвета на голове.

На другой день три залётных белых гуся снова плавали по озеру вместе с домашними. И те, видно, уже признали их за своих. Кто ни подходил к озеру, уже издали видел плавающих по воде домашних гусей и среди них белых, как горный снег, неизвестных птиц. Присоединившись к стаям домашних гусей и подружившись с ними, так они и плавали целыми днями на озере: кормились, купались и проводили всё время вместе. А вечером домашние гуси шли к себе домой, под кров человека, а дикие птицы оставались на воде совсем одни. И, заплыв на середину водоёма, дремали там до утра, придерживаясь неизменного закона всех гусиных — спать посередине воды, чтобы не подкрался и не застал распых хищный зверь.

В посёлке Спасское Рязанской области находится главная усадьба Окского государственного заповедника. Районные охотоведы и местные егеря сразу же сообщили в правление заповедника о диковинных птицах, встреченных ими у себя в охотничьем хозяйстве. Сотрудники заповедника, не теряя времени, немедленно выехали на озеро Ижевское, чтобы самим убедиться в подлинности услышанного рассказа. Когда они приехали на место, то поняли, что перед ними плавают на обычном

русском озере посланцы из далёкой Арктики. Орнитологи сообщили егерям и всему местному населению — чтобы все знали: это белые гуси, жители полярных областей далёкого северо-востока Сибири, Чукотки и Аляски. Представители редкого племени, охраняемого списка особо ценных гусей Севера.

Кольцевание птиц — для орнитологов обычное занятие. Ставится сетка, этакая мелкаячеистая западня, и попавших в неё птиц кольцуют, то есть надевают на цевку специальное алюминиевое кольцо и зажимают его края. И тут же выпускают птицу обратно на волю. Всё это: дату, место, название птицы (вид), пол и номер кольца, — записывают в журнал учёта кольцевания. Но даже для специалистов стало неожиданностью: белым гусям, встреченным на озере, никаких сеток вовсе и не понадобилось — птицы сами подплыли к людям, которые находились в лодке на середине озера. Опытные орнитологи, они сначала просто опешили, увидев, как гуси берут угощение, чёрный хлеб, прямо из протянутых рук. Даже домашние гуси, и те не рискуют так близко приближаться к незнакомым людям. А тут так вели себя дикие птицы. Когда закончилась кормёжка, и все три белых гуся наелись досыта — на них сверху легко накинули сети, и чуть-чуть сопротивлявшихся птиц не составляло большого труда окольцевать. Специалисты своего дела, они, как хирурги, быстро и без лишних движений делали своё дело — это нужно для того, чтобы не терять драгоценное время и не травмировать психику находящихся в руках человека птиц. Из отловленных орнитологами трёх гусей один оказался уже окольцованным. Учёные окольцевали двух оставшихся птиц, а на цевке третьей прочитали выбитую на алюминии английскими литерами следующую надпись: «Washington 587-24236». Попрошавшись, сотрудники уехали, взяв слово

(тоже в специальные дни) — ещё более 1500 км воздушного пути. А потом из Магадана до Москвы самолётом Ил-62 более чем сутки добираться с обязательными посадками для отдыха и дозаправки. А уже из Москвы до Рязани и Спасска — и только тогда письмо найдёт своего адресата. На это всё может уйти около месяца дороги и почтовых перекладных.

Поэтому на Уэлене решили не затягивать с нужным для заповедника сообщением и отбили в Спасск Рязанской области телеграмму:

«„По сделанному вами запросу сообщаем следующее тчк В конце 22 по 26 мая над Беринговым проливом зафиксирована сильнейшая буря и шторм до 12 баллов тчк Когда буря утихла работниками станции найдено берегу 116 трупов белых гусей тчк 18 из них были окольцованы тчк Кольца отправлены нами станцию кольцевания Туле-Лейк Калифорния США где были окольцованы зимующие белые гуси Надпись на них подобна той что вы прислали для сверки тчк Серия и место кольцевания совпадают тчк“

Директор метеостанции Гаврилов А. К./подпись/пос. Уэлен Чукотский нац. округ Магаданская обл. 23 сентября 1979 г.»

История эта произошла летом 1979 года недалеко от Окского заповедника. Рассказанный нами факт из жизни белых гусей далеко не единственный. Причин тому несколько.

Это может быть привычка к дальним странствиям или генетический зов на места давних своих местобитаний за много веков и тысяч лет назад. Но главная причина — это невероятно трудные, непредсказуемые условия перелёта. Вырвавшиеся из страшной бури белые гуси, сбитые с толку, в панике летят и летят на запад — туда, где нет столкновения высокого и низкого давления. Этому помогает и умеренный ветер, который летом на побережье Ледовитого океана дует всё время с востока на запад. Придя в чувство, птицы понимают, что залетели уже очень далеко от своей родины, а сил лететь обратно домой на гнездовья нет. Истощённые птицы летят всё дальше на запад и останавливаются на лето там, где покажется им лучше.

Так, белые гуси в начале лета не раз и не два были отмечены во многих местах Европейской части России, Украины и Белоруссии. В разные годы натуралисты и орнитологи встречали белых гусей на украинском Полесье в Житомирской области и под Черниговом, Правобережной лесостепи в районе Винницы и Хмельницкого, на побережье Азовского моря. В России белых гусей наблюдали на окских просторах в Рязанской области, на Смоленщине, под Архангельском и на юге — на Ахтубе под Астраханью и в дельте Волги у Каспия.

у местных жителей охранять и беречь редких птиц и пообещав всем периодически навещать сделавшееся теперь известным «гусиное озеро».

После этого белые гуси стали местной достопримечательностью. Несколько дней только и разговоров было, что о далёких северных пришельцах, волею судеб оказавшихся в пойме реки Оки, на просторах Средней полосы России. «А может, они тут гнездиться станут?» — спрашивали одни. — «Так почему тогда трое, а не двое, пара?» — сомневались другие. Как бы там ни было, но о белых гусях вскоре узнали все в округе, и каждый старался побывать на берегу Ижевского озера. В выходные дни сюда образовалось настоящее паломничество. Нашлись даже такие, что придумали им имена. И ради куража стали с берега окликать их своими кличками. Правда, имена оказались бестолковыми: Боб, Джек и Джуси. Наверно, так называли, узнав, что эти гуси могли прилететь с берегов далёкой Аляски.

Птицы не откликались на эти глупые имена, они просто не понимали, чего от них хотят; но уже убедились в этом, что люди настроены к ним дружелюбно.

Вскоре три белых гуся стали любимыми птицами для всех жителей села Ижевского, что находилось на берегу одноимённого озера. Особенно их полюбила местная детвора. Как все дети, они много времени проводили на берегу озера, поближе к воде, где всегда находились любимые занятия: рыбалка, купание, ныряние на глубину, плавание на лодках и многое другое, чего не могут понять взрослые и что так близко мальчишескому сердцу. Они любили соревноваться: кто быстрее и дальше всех заплывёт на середину озера — к плавающим там белым гусям. Однако каждый раз, когда кто-нибудь из пацанов приближался к птицам,

они неторопливо, но уверенно и спокойно отплывали дальше от веселившихся ребят.

Белые гуси совсем не боялись детей, доверяли им, и видно было, что они хорошо понимают: перед ними простые, беззаботные, добродушные существа, которые никогда не нанесут им обиду. Какая-нибудь мамаша, привезя на коляске покататься своего малыша к берегу, вынимала угощение: бублички, печенье или пряник — и подходила к воде. А малыш, улыбаясь всем сердцем, тянулся своей ручонкой к приблизившейся за угощением птице.

Прошло лето. Повеяло осенью, ночи стали прохладными, а по утрам на озере расстилались сизые сплошные туманы. У наших гостей в характере появились первые признаки беспокойства. Их всё чаще видели низко летающими над водами озера. А иногда они облетали несколько кругов над водой, поднявшись высоко вверх над озером. И, совершив так облёт над своим жилым местом, снова садились на волны приютившего их на время озера. Всем стало ясно, что гостившие летом у них заморские гости скоро отправятся в дальние странствия. И действительно, в один из дней люди больше не обнаружили на озере появившихся так неожиданно белых гусей; а вместе с сизыми туманами растаяли в синей дымке и чудесные птицы. Сказка закончилась. Белые гуси улетели. Больше их здесь никогда не встречали. Правда, некоторые говорили, что после того как на озере не стало наших птиц, их дня через три видели ещё в других местах поймы Оки и на приречных озёрах. И будто на самой Оке, где они жили ещё неделю перед тем, как навсегда оставить эти приютившие их на время края. Они видели, как, набрав большую высоту, белые гуси поднимались в небо, в заоблачные высоты и, тренируя свои крылья и заставляя себя привыкнуть к дальним перелётам, готовились в трудный, опасный путь.

Белые гуси — известные космополиты, для которых родиной является вся наша планета. И всё, что происходит на ней, имеет самую тесную связь между собой. Может так случиться, что белых гусей вы встретите и в своих родных местах. Знайте, что это скорее всего те птицы, что в тяжёлых перелётах над океаном, там, на краю света, избежали лютой смерти и незадолго перед тем погибали среди скал и морской стихии. На сей раз они остались живы и волею судьбы занесённые ветром в наши края задержались здесь на какое-то время. И тем более что эти гуси очень доверчивы к людям — не тревожьте и не троньте их! Может быть, и вам удастся увидеть и наблюдать это живое чудо — пришельцев из другого мира, с далёкого Севера — арктических белых гусей. И тогда эта встреча запомнится на всю вашу жизнь и будет таким же светлым воспоминанием, как глаза любящего вас человека, как рождение первого ребёнка и как белый снег вашего далёкого детства.

КАРА

Русская Лозовая — большое старинное русское село на Харьковщине. Кругом широкие просторы, леса и поля, а отроги Среднерусской возвышенности неровными холмами и глубокими оврагами изрезали эту красивую местность. Станешь за селом, и куда ни глянь — одно приволье вокруг, и только ветер гуляет по полю.

А на окраине села, в урочище с давним названием Рудка растут группы высоких и раскидистых, под стать этим просторам, тополей. Чёрный тополь, или осокорь, — дерево, на котором любят гнездиться старые крупные вóроны. Возле Русской вóроны — птицы обычные, постоянные обитатели здешних мест.

А всё началось с того, что сельские пацаны лазали по деревьям и «выдрали», как здесь говорят, гнездо вóрона. Забравшись на самую верхушку осокоря, они достали оттуда одного небольшого птенца. Он был совсем ещё слабым; пеньки перьев только начали пробиваться на его худом тельце. Насмотревшись, ребятня уже хотела его просто бросить. Но тут увидел воронёнка один местный паренёк из этой команды — Женька. Он пожалел его и взял себе. Женька принёс птенца домой (дом его стоял здесь же, возле Рудки) и поместил его в сарае.

Уже через неделю птенец окреп и немного подрос. По утрам Женька уходил в школу. Воронёнок, оставшись один, долго скучал, сидя на ветхом столике в сарае. Он быстро привязался к парню, показывал свою сообразительность и легко запоминал то, что для него было важным. Птенец уже знал, когда Женька возвращается домой из школы. И это время было самое дорогое для птицы. Женька приносил что-нибудь вкусное, кормил его. Увидев угощение, воронёнок радостно, протяжно каркал. Поэтому Женька его так и назвал — Κάра.

Особенно Κάра любил булку, смоченную молоком. Женькина родная бабушка, баба Устя, держала козу. Козье молоко очень хорошее, но у козы Кати оно было ещё лучше. В семье его любили все. Молоко очень нравилось коту Ваське, собачке Жульке. Женька попробовал давать его и птенцу. И тому тоже понравилось новое угощение. Κάра с нетерпением проглатывал несколько кусков булки или хлеба, вымоченных в молоке, каркал от удовольствия, перелетал с места на место, пока не усаживался на своё любимое пристанище — старый высокий сундук у окна. Он любил сидеть и смотреть с этой присады¹ в окно на улицу и огороды. Κάра наблюдал отсюда за людьми, что ходили по дороге, за птицами, что летали вокруг, за коровой, что паслась на красивом зелёном лугу у речки Лозовеньки. Изучал всё и присматривался ко всему. Умная птица следила за каждым дви-

¹ *Присада* — предмет, предназначенный для того, чтобы на него садились птицы (*присады* для ловли птиц, фотоохоты и т. д.).

жением вокруг, хорошо запоминала хаты, постройки, пасущихся домашних животных, прохожих и делала свои выводы, определяя, кто и насколько мог быть опасен. А кого и совсем бояться не следует.

Летом Женька вместе с другими пацанами много бегал и где только не пропадал. Они любили целыми днями напролёт бродить за селом: их как магнитом тянуло в широкие поля, на просторы вольных ветров. Здесь и в войну можно было поиграть, и узнать, что русские всегда побеждали немцев, и на велосипедах погасать² сколько сил хватало. Про Кáру забывали, и только вечером Женька навещал своего друга. Но вот и лето прошло. Утром *ставало* сыро и прохладно, у людей от свежести зябли ноги и всё тело, а птица взъерошивала перья. Туманы окутывали всё село как пеленой. Повеяло холодами. Молодой ворон по-прежнему жил в своём сарае и очень любил следить за всеми. Наблюдать за жизнью в селе и её каждодневными проявлениями сделалось основным его занятием.

Кáра знал, что утром люди торопливо куда-то шли, а дети с портфелями, собравшись группами по двое-трое, тоже куда-то спешили. А днём те же дети шумно и весело возвращались назад — довольные, что занятия в школе закончились и им не поставили двойку. Про школу, конечно, Кáра не знал; он знал только, что среди шагающих детей есть и его Женька. Кáра видел на большое расстояние, намного дальше людей, и ещё Женька только появлялся вдалеке, как ворон уже отличал его от других детей. Нельзя сказать, что Кáра просто привык к парню, — ворон хорошо запомнил, что когда он был птенцом, Женька выкормил его, играл с ним, разговаривал, возился... и стал для него самым родным и дорогим на свете.

Прошёл год, Кáра уже вырос и из птенца превратился в молодую и красивую птицу. На солнце его свежее оперение искрилось и переливалось. Теперь его перо отдавало особым маслянистым оттенком, какое присуще только взрослым птицам. Однажды Женька взял своего ворона в школу. Увидев тёмную большую птицу, дети подняли такой галдёж, что ворон решил побыстрее спрятаться в самое безопасное место — на голову Женьки. Кáра и раньше частенько любил садиться на голову своему воспитателю — это ему нравилось, нравилось и Женьке, и Кáра здесь чувствовал себя хорошо защищённым и в полной безопасности. Молодой ворон с любопытством посматривал по углам класса, чувствовал себя непривычно, побаивался — и немного растерялся. От возбуждения он каркал, но рядом с Женькой ему было спокойнее.

После уроков домой тоже шли вместе. Легонько держась за волосы своего друга, Кáра подмахивал себе крыльями, балансируя в воздухе и пытаясь удержать равновесие. Дети бежали рядом, своим озорством и криками развлекая ворона.

² Погасать — от «гасать»: скакать, прыгать, гарцовать, носиться на коне.

Ворон сразу же хорошо запомнил и класс, в котором учился Женька, и дорогу в школу и обратно. И когда Женька был в школе, а Кáра сидел и скучал у себя в сарае — он думал о Женьке, о том, чтоб его быстрее увидеть. Нетерпение овладевало всей его натурой. Двери в сарае почти всегда были открыты. И бывало, ворон вдруг взлетал, вылетал из своего сарая и, взяв правильное направление, летел в школу. Обычно он подлетал как раз к тому окну, где за партой сидел его Женька, и клювом легонько стучал по стеклу, чтобы тот его увидел.

Весь класс бросал слушать учителя и радостно встречал гостя. Ребята приветливо махали руками прилетевшему в гости ворону, хвалили его за находчивость, привязанность и преданность товарищу. Разгорячённый учитель бесполезно бегал по классу, пытаясь всех уговорить и навести порядок. С горем пополам всё же дослушивали рассерженного учителя.

А ворон, сидя на карнизе окна, терпеливо ждал своего друга до конца уроков. А после того как прозвенит звонок последнего урока, они вместе возвращались домой: один пешком, а другой — взгромоздившись сверху и размахивая крыльями у него на голове. Ворон косился на парня благодарным глазом; он был вполне счастлив и всем доволен, потому что не было для Кáры никого дороже Женьки на всём белом свете.

Так прошло три года жизни молодой птицы. Кáра заметно окреп, повзрослел, его чёрное оперение стало цвета воронёной стали, но оставался он всё таким же озорником и любителем весёлых проказ. Женька тоже повзрослел, но Кáра по-прежнему летал в школу и подолгу ждал у окна окончания уроков.

И наверно, Кáра жил бы всегда со своим другом и не захотел бы ни за что с ним расстаться. Ведь вороны в природе живут долго; и если не три сотни лет, как об этом сказано в легенде, то многие десятки лет отпущено вороновой жизни. Если бы не одно обстоятельство — жестокость и низость людей. Как-то вечером ворон ждал Женьку, уже ходившего на танцы в клуб. В центре села, в кафе развлекались местные молодцы. Увидев Кáру, пьяные молодчики, озорничая, начали кидать ему колбасные объедки и остатки хлеба. Ворон осмелился и, ничего не подозревая, приблизился к угощению. Тогда один из парней подбежал к нему и со всей силы ударил носком в грудь. Кáра захрипел — и тут же умер. Так погиб верный Женькин товарищ и настоящий преданный друг — молодой ворон Кáра.

Сейчас Женька уже давно вырос. После того случая прошло уже много лет, но больше у Женьки не было подобного друга, да и не будет, наверно, никогда больше в его биографии. Потому что жизнь так скупа на хорошее. А всё хорошее в жизни бывает только по одному разу.

Жизнь надо уважать только за то, что она есть жизнь. Потому что жизнь — это чудо. И жизнь всегда умнее смерти, а смерть подла (как те молодчики) и бездарна!